

«Мы в святом причастии Вас упомянули и горячо молились за Вас...»

В конце июне 1931 года в Соловецкий лагерь особого назначения прибыли восемь немецких католических священников. 4 июля от приставленного к ним "добровольного помощника" чекистов поступил донос о заключенном священнике Андрее Шенбергере:

«Он высказывается, что мощь Советского Союза поддерживается исключительно террором»¹.

Далее доносчик пояснял, что во время обсуждения заключенными планов коллективизации и пятилетки отец Андрей утверждал, что их выполнение *«должно вызвать народное восстание»*, а массовые аресты духовенства говорят только об одном:

«Власть все-таки еще, наверно, боится интервенции и чувствует что-то неладное, ибо только потому так лихорадочно ведет борьбу с нами и, вообще, с религией».

Заключала этот донос резолюция начальника оперативной части: *«Продолжать наблюдение»*. В дальнейшем в материалах личных дел прибывших на Соловки немецких священников появилось много новых доносов, очевидно, все заключенные немцы были под неусыпным и постоянным наблюдением оперуполномоченного. Все они были осуждены по групповому делу как *«участники контрреволюционной организации немецкого католического духовенства Поволжья»* и приговорены к 10 годам заключения в лагерь.

Главные фигуранты "организации" были отправлены в Соловецкий лагерь особого назначения, здесь за ними было установлено неотступное и постоянное наблюдение "добровольных помощников", многие доносы подшиты в личных делах священников-немцев:

«Фикс сказал: "При Советской власти, по сравнению со старым временем, ничего хорошего нет, потому что Советская власть довела народ до полной гибели. Одних насильно выселили со своих мест в высылку, других загнали в лагеря, а третьи, работая в колхозах, также погибают"»².

В конце этого донесения — резолюция оперуполномоченного: *«Дано задание установить АГ-наблюдение³ за з<a>к<люченным> Фикс, выявить его связи в лагере, характер его и фиксировать все его а<нти>с<оветские> разговоры»⁴.*

«Белендир А. П., находясь в Соловках, живет прошлым, вспоминая с удовольствием, как он отговаривал прихожан вступать в колхоз, не закрывать костел, и что, вообще, как много строил он козней против "безбожной Сов<етской> власти". В группе заключенных ксендзов проповедует скорую гибель Сов<етской> власти. Замечен в устройствах с другими ксендзами молебнов в лесу»⁵.

«Вейгель, находясь в Соловецком лагере, заявляет: "Если думают, что здесь мы должны исправляться, то напрасно. По

¹ Здесь и далее из: Личное дело А. Шенбергера. // Центральный архив ФСБ РФ.

² Личное дело М.П. Фикса // Центральный архив ФСБ РФ.

³ АГ-наблюдение — агентурное наблюдение.

⁴ Личное дело М.П. Фикса // Центральный архив ФСБ РФ.

⁵ Личное дело А.П. Белендира // Центральный архив ФСБ РФ.

выходе мы станем еще больше агитировать, еще больше привлекать на свою сторону крестьянские массы, а молодежь возьмем в руки, чтобы свернуть с пути безбожия на "правильный" путь, и умы их очистить от безбожных коммунистических идей и понятий»⁶.

О занятиях немецким языком с отцом Петром Вейгелем рассказал в своих воспоминаниях позднее бывший заключенный Борис Чирков, в 1935 году пятнадцатилетним юношей отправленный в Соловецкий лагерь. Решив за это время пройти определенный курс, чтобы после освобождения сдать экстерном экзамены, Борис договорился с заключенными, известными на воле профессорами, о занятиях, но долго не мог найти себе среди заключенных "преподавателя" немецкого языка, а учебников по иностранным языкам в библиотеке не было.

«Наконец я попросил католического священника из АССР немцев Поволжья — Каппеса. Он был большим книголюбом и относился ко мне с симпатией. Выслушав мои сетования, Каппес задумался и сказал, что знает удивительного преподавателя, который кроме русского и немецкого владеет итальянским, испанским и английским, а из древних языков — латынью, греческим и еврейским. Он передаст мою просьбу, но он не уверен в положительном ответе.

Любопытство мое было возбуждено. Через день Каппес зашел с таинственным видом и шепнул: "Он согласился с вами поговорить. Придет в восемь часов и скажет, что пришел по моей просьбе". Уже с открытия, с шести часов, я всматривался, если приходил незнакомый читатель. Когда старые монастырские часы ударили восемь раз, вошел некто невысокий, худощавый, похожий лицом на канцлера Брюнинга, в узких очках в железной оправе. Коротко остриженная седая голова, черное пальто, в руках шапка. Я сразу догадался, что это ОН. Он подошел к барьеру, поздоровался и сказал: "Алоиз Николаевич Каппес просил меня поговорить с вами"⁷.

Разговор состоялся в сквере, отец Петр спросил, почему Борис хочет учить именно немецкий язык, а узнав, что тот любит немецких поэтов и хочет читать их в подлиннике, особенно "Фауста" Гете, поинтересовался, чем он ему понравился.

«Последний его вопрос был: "Чем вы руководствуетесь в своем поведении?" Последние недели я как раз много думал об этом и сразу ответил: "Не делай никому того, чего не хочешь, чтобы другие делали тебе". Мы шли несколько минут молча, затем он сказал: "Мы начнем заниматься с выходного дня"⁸.

Занятия пошли успешно, два раза в неделю, урок длился 1 час 20 минут. И постепенно в разговорах Борис узнавал об отце Петре удивительные вещи: что он был миссионером в Юго-западной Африке и Южной Америке, где его застала мировая война, что «в период миссионерской деятельности в Амазонской сельве он много раз погибал, то подстреленный отравленной стрелой, то в опрокинутой крокодилом лодке, то укушенной змеей. Но он все вынес и пользовался великим уважением у туземцев, обращал их в христианство, лечил и учил, особенно детей»⁹.

---

⁶ Личное дело П.И. Вейгеля // Центральный архив ФСБ РФ.

⁷ Ю. И. Чирков. А было все так ... М. 1991. С. 80.

⁸ Там же. С. 81.

⁹ Ю. И. Чирков. А было все так ... М. 1991. С. 82.

Потом отец Петр вернулся в Рим, работал в одной из конгрегаций, получил сан прелата. В то время в Ватикан неоднократно приходили сведения о притеснении католиков в Советском Союзе, и Конгрегация по вопросам восточных церквей направила отца Петра в Поволжье, чтобы обследовать положение католических приходов там. Осенью 1929 года он прибыл в Саратов, где встретился с администратором епархии Августином Баумтрогом, тот и рассказал ему о событиях последних лет.

«Петр Иванович посетил приходы, ужаснулся разорению ранее процветавших немецких колоний и понял, что его, как очевидца, обратно не выпустят. Он попытался связаться с посольствами. В 1932 году в ночь под Рождество¹⁰ он и местные католические священники были арестованы и обвинены во всех грехах, начиная с подготовки вооруженного восстания. В результате Петр Иванович, Каппес и ряд других патеров оказались в Соловках, где вместо миссионерской деятельности прелат вязал сети, подобно апостолу Петру»¹¹.

Благодаря знакомствам со многими заключенными, Борис смог доставить своему учителю большое удовольствие: «Петр Иванович очень хотел посмотреть летописи Соловецкого монастыря и переписку князя Курбского с Иоанном Грозным. Эти раритеты находились в музее, и их публике не показывали»¹². Музей на Соловках, созданный монахами, был весьма интересен: там были уникальные документы, великолепные гербарии и чучела всех представителей флоры и фауны Соловецкого архипелага, детальные карты всех островов, системы каналов, макеты построек, а также чудесная надвратная церковь — домашний храм архимандрита-настоятеля с редким иконостасом — он «поразил Петра Ивановича тонкой резьбой, мотивы которой не повторялись ни на одной колонне»¹³.

«Древние рукописи очаровали Учителя, он как-то изящно и нежно перевертывал страницы летописи, всматривался в миниатюры и заставки, некоторые строки он читал вслух, разбирая церковнославянский язык. Переписку Грозного с Курбским он читал молча и, казалось, был подавлен гневом, злостью и грубостью, насыщавшими пожелтевшие строки»¹⁴.

В это время в хранилище вошел профессор Павел Александрович Флоренский, о котором Борис не раз рассказывал своему учителю. Отец Петр наслышан был о Флоренском в Риме и высоко ценил его труд "Столп и утверждение истины", о котором, как «крупнейшем вкладе в теологию и философию», говорил Папа Римский Бенедикт XV.

«Я представил Учителя и профессора друг другу и с интересом наблюдал, как два знаменитых человека преодолевают свою застенчивость. Петр Иванович нашелся первый и обратился к Павлу Александровичу по латыни, упомянув о како-то пословице. Флоренский ответил по латыни и перешел на немецкий. Вейгель ответил по-русски и упомянул о прекрасном иконостасе и некоторых иконах, затем разговор перешел на рукописи»¹⁵.

---

¹⁰ Согласно документам дела, отец Петр Вейгель был арестован 2 февраля 1930 года.

¹¹ Ю. И. Чирков. Там же. С. 83.

¹² Там же. С. 130.

¹³ Там же. С. 130-131

¹⁴ Там же. С. 131.

¹⁵ Ю. И. Чирков. Там же. С. 132.

Осенью 1937 года на основании доносов и характеристик, данных начальниками лагерных пунктов, где находились заключенные, оперуполномоченным были составлены на всех "Справки", которые легли в основу последующих приговоров. Приведем наиболее характерные выдержки из "Справок" на священников-немцев:

«Каппес А. Н. с момента пребывания в лагере по настоящее время ведет активную контрреволюционную деятельность. Сгруппировал вокруг себя заключенных в лагере ксендзов. Устраивает нелегальные богослужения, используя их для сколачивания вокруг себя контрреволюционных элементов. Систематически занимается злостной контрреволюционной агитацией. Проявляет себя открытым врагом Советской власти»¹⁶.

«Дорнгоф А. И. в лагере установил связь с ксендзами-однодельцами, в присутствии которых занимается контрреволюционной провокационной агитацией против Советского Правительства, восхваляя фашизм. Имеет намерение после освобождения уехать за границу, где собирается распространять различные провокационные сведения о Советском Союзе»¹⁷.

«Ридель П. П. непримиримо враждебно настроен к Советской власти. Рассчитывает на войну Японии с Советским Союзом, заявляя, что в результате войны что-нибудь произойдет и ускорит его освобождение, а также надеется на свержение Советской власти путем вооруженного восстания»¹⁸.

1-го, 9-го октября и 5-го ноября 1937 года немецкие католические священники, заключенные Соловецкого лагеря особого назначения, были приговорены к высшей мере наказания: отцы Адам Белендир, Петр Вейгель, Михаил Вольф, Александр Дорнгоф, Алоизий Каппес, Иосиф Пауль, Франц Рау, Петр Ридель, Мартин Фикс, Андрей Шенбергер и Людвиг Эрк¹⁹. Для исполнения приговора всех осужденных вывезли в Медвежьегорск в Карелии. Борис Чирков в своих воспоминаниях рассказал о последней встрече с отцом Петром, друзьями и знакомыми, когда всех приговоренных уводили на этап:

«В конце октября неожиданно выгнали всех обитателей открытых камер Кремля на генеральную проверку. На проверке зачитали огромный список — несколько сотен фамилий — отправляемых в этап. Срок подготовки — два часа. Сбор на этой же площади. Началась ужасная суета. Одни бежали укладывать вещи, другие — прощаться со знакомыми. Через два часа большая часть этапирруемых уже стояла с вещами. В это время из изоляторов вышли колонны заключенных с чемоданами и рюкзаками, которые направлялись не к Никольским воротам, где была проходная, а к Святым воротам, которые выводили на берег бухты Благополучия. Я подбежал к краю "царской" дороги еще до приближения колонн и видел всех проходивших мимо ряд за рядом по четыре человека в ряду. Мелькали вперемешку знакомые и незнакомые лица. На всех

¹⁶ Личное дело А.Н.Каппеса // Центральный Архив ФСБ РФ

¹⁷ Личное дело А.И. Дорнгофа // Центральный Архив ФСБ РФ.

¹⁸ Личное дело П.П.Риделя // Центральный Архив ФСБ РФ.

¹⁹ По Постановлению Коллегии Управления НКВД по Ленинградской области, согласно протоколам № 83, № 85 и № 198.

было одно общее выражение: собранность и настороженность. Все стали какие-то суровые, отчужденные.

В рядах проходящих мелькнуло лицо профессора Флоренского, вот высоко несет голову седобородый профессор Литвинов (оба из ПСБ). Показались Котляревский (в новой кожаной ушанке) и Вангенгейм (в черном пальто и пыжиковой шапке). Увидели меня. Кивают головами, а руки заняты чемоданами. Котляревский подмигнул и улыбнулся, но улыбка вышла невеселая. Шариком покатился бывший заведующий лазаретом Л. Т. Титов. Я его окликнул. Он повернул голову, улыбнулся растерянно, узнал меня, затряс головой. И мимо, мимо идут ряды. Я ждал своего Учителя. Включен ли он в этап? Уже прошли несколько польских ксендзов. Проплыло толстое раблезианское лицо Каппеса. «Wo ist mein Lehrer?»²⁰ — крикнул я. Поворотом головы Каппес показал в следующие ряды, и я увидел бледное, исхудавшее, скорбное лицо Учителя. Он улыбнулся и четко произнес: «Auf, bade, Schüler, unverdrossen die urdische Brust im Morgenrot»²¹. Прошли еще несколько добрых знакомых, но ни Арапова, ни Антоновича, ни Вальды-Фарановского среди них не было.

А ряды все шли. Более тысячи заключенных было вывезено из Соловков в этот пасмурный октябрьский вечер. Это был уже второй этап из Соловков, названный "большим"²².

1-го, 3-го ноября и 9-го декабря все приговоренные были расстреляны в урочище Сандормох под Медвежьегорском. Часть священников-немцев, осужденных по групповому делу католического духовенства в Поволжье, скончались: отец Леонард Эберле — в 1931 году в Камышине; отец Адам Гарейс — 23 апреля 1935 года в Белбалтлаге; отец Августин Баумтрог — в марте 1937 года на Соловках; отец Иосиф Бейльман — в 1938 году в Белбалтлаге; отец Иоанн Бейльман — 25 января 1940 года в Белбалтлаге.

Остальные священники были расстреляны в других лагерях и в ссылках: отец Иоанн Циммерман — 18 августа 1937 года в Карлаге; отец Георгий Байер — 13 января 1938 года в Сиблаге; отец Клементий Шенгайтер — 1 августа 1938 года в Туруханской ссылке; отец Роберт Гласснер — 10 сентября 1941 года в ссылке в Казахстане.

Хотелось бы закончить обзор многотомного следственного дела по "вскрытой" органами ОГПУ «фашистской контрреволюционной организации католического духовенства и мирян в Поволжье» строками из письма прихожан, посланного отцу Мартину Фиксу на Соловки 14 октября 1931 года, но так и не дошедшего до адресата, перехваченное чекистами:

«Мы также в святом причастии Вас упомянули и горячо молились за Вас. Теперь мы все рассеяны, и это бывает так, согласно Священному писанию: "Я убью пастыря, и овцы будут рассеяны". <...> К концу остаемся во имя Бога и с сердцем Иисуса и просим Ваших молитв и Святого благословения»²³.

---

²⁰ Где мой учитель? (нем.).

²¹ Купай, ученик, неустанно земную грудь в утренней заре.

²² Ю. И. Чирков. Там же. С. 174.

²³ Личное дело М.П. Фикса // Центральный Архив ФСБ РФ.